

Михаил МОСКОВЕЦ

Родился в 1988 году в Москве. Окончил бакалавриат и магистратуру юридического факультета МГУ им. Ломоносова. Работает юристом в Министерстве иностранных дел РФ.

Автор философской повести «Сентябрь» (2020), публикаций в сборниках и альманахах.

Живет в Москве.

ЛЕСТНИЦА ЖЕЛАНИЙ

Я неуверенно встаю на первую ступеньку. Вторую. Третью...

В наш городок приехала труппа артистов – цирком их сложно было назвать, потому как они не привезли с собой ни шатер, ни аттракционы; скорее, это были шоумены, колесящие по стране с целью заинтриговать, удивить публику, но совсем не развеселить.

Одним вечером их длинный фургон бесшумно заехал в наш город (хотя редко приезд чужаков остаётся незамеченным), бесшумно остановился на окраине лысого пустыря и бесшумно переждал ночь.

Однако утром весь город был шокирован, увидев синюю ступенчатую лестницу, уходящую в небо. Пустырь тут же окружила толпа зевак, разглядывающих загадочную конструкцию: крыша фургона была каким-то образом сложена, и из него вверх устремлялась лестница – совсем без опор и лишь с одними перилами.

Один из артистов (еще трое находились поблизости) стоял около чистой квадратной доски на треноге и осматривал людей оценивающим взглядом.

– Конферансье, – представился он и картинно поклонился. Затем продолжил: – Кто из вас готов взобраться на пять сотен ступенек? – выждал паузу и написал на доске «500 ступенек» белым мелом.

Зеваки молчали, прячась друг за другом, – в них еще не проснулся дух авантюризма. Мало лишь задания; объявляй и приз.

– Пять сотен ступенек, – повторил конферансье и отчеканил по слогам: – За любое ваше желание, – он нарисовал жирный знак вопроса.

Тихий гул пролетел по толпе. Пятьсот ступенек – это всего двадцать этажей. Но подниматься внутри здания гораздо проще, нежели прямоком в небеса, да еще без опоры. Совершенно непонятно, как эта лестница держалась.

Тридцать семь ступенек. Тридцать восемь. Тридцать девять...

Исполнение любого желания – слишком ценный приз, чтобы бездумно отказываться от испытания.

– Разве ж это сложно? – вялый выкрик из толпы.

– Несложно.

– А где гарантия, что вы заплатите?

– Мое слово – гарантия. И речь идет не только о деньгах.

Пространный ответ, абсолютно не приближающий к истине. Однако почему-то верилось этому человеку – слишком убедительна была его поза.

Зеваки все еще взвешивали все за и против, переминаясь с ноги на ногу.

– Артист, продемонстрируйте нам, – повелел конференсье одному из трех коллег.

Без лишних слов тот зашел в широкую дверцу, ведущую к лестнице, и поднялся на десять ступенек.

– Чуть повыше.

Артист вслух считал ступеньки, держась за односторонние перила, и остановился на пятидесятой. Фигура его слегка уменьшилась.

Конференсье окинул взглядом толпу, не сводящую глаз с демонстрации, и буркнул подопытному, не оборачиваясь:

– Достаточно.

Тот послушно потопал вниз.

– Кто из вас готов взобраться на пять сотен ступенек?

Конференсье подошел ближе к толпе, раскинув руки будто для объятий.

Семьдесят шесть. Семьдесят семь. Рука крепко вцепилась в перила. Не смотреть вниз не получается – земля в любом случае попадает в поле зрения, и я вижу, что забрался уже высоковато. Снизу лестница выглядит покороче...

Вызвался первый доброволец – тощий мужчина средних лет. Не такого обычно ждешь в рядах смельчаков.

– Пожалуйста, – провел его конференсье.

Мужчина ухватился за перила и уверенно пошел вверх, не глядя под ноги. Тело его поначалу уменьшалось стремительно, затем уже медленнее; мужчина два раза остановился, а на третий обернулся на нас, наверно, разглядев только слипшуюся массу человеческих организмов.

Отчего-то сразу показалось, что дальше он не пойдет. Так и есть: мужчина что-то завопил, а затем и вовсе отцепился от перил и показал скрещенные руки.

– Спускайтесь, – скомандовал ему конференсье и махнул рукой.

Удивительно, что говорил он негромко, но голос его эхом разлетался повсюду.

Мужчина начал медленно спускаться вниз, ухватившись за перила уже двумя руками.

Интересно, что страшнее: подниматься или спускаться? При спуске всегда кажется, что вот-вот споткнешься и полетишь кубарем вниз, а лететь-то высоко. При подъеме же боится организм – костенеют ноги и руки, слепнут глаза. Страх и там и там, но разный – психологический и физический, что ли.

Первый доброволец – весь бледный – наконец сошел с лестницы.

– Ну как? – поинтересовался конференсье.

– Наверху страшно, – проворчал мужчина в ответ.

– Сколько ступенек вы прошли?

– Я сбился.

– Сколько ступенек он прошел? – обратился теперь к одному из артистов.

– Двести девять.

– Двести девять, – повторил конференсье.

Мужчина никак не отреагировал на слова, и было неясно, осознал ли он свое достижение; однако толпа на всякий случай одобрительно прогудела.

– Вы молодец, – проводил его конференсье.

Он вновь пошел к толпе с распростертыми объятиями, высматривая цель.

Сто двадцатая пятая ступенька. Сто двадцать шестая. Коленки начинают трястись – то ли от нагрузки, то ли от страха. Бояться рано – всего четвертая часть пути позади. Здесь тихо – слышен только глухой звон шагов...

После первого добровольца еще десять мужчин и женщин пробовали подняться по лестнице – все с разным успехом, но до четвертой сотни не дошел никто.

Говорят, наверху съедает животный страх: просто замираешь и не можешь идти дальше. Артисту пришлось пару раз подниматься и забирать смельчаков со ступенек. Удивительно безмятежно он шагал вверх – наученный опытом, наверно.

Конференсье уже не выходил к толпе с объятиями, а лишь стоял у доски с мелом в руках, будто собираясь что-то написать.

– А сколько людей дошли до верха? – спросили из толпы.

– Сколько дошли? – пауза. – В прошлом городе одиннадцать человек.

Возмущенный гул разнесся среди собравшихся.

– Да врет он все!

– Не могли одиннадцать дойти...

– Они бы не выполнили так много желаний! Сколько ж это денег...

Толпа держалась единым гудящим организмом. Конференсье переглянулся с артистами, видимо, донося мысль: здесь ловить нечего.

Эти приезжие явно считали нас трусами.

Тут меня что-то торкнуло, и я молча вышел вперед. Кажется, даже гул стих. Не смотря на конференсье (то ли из гордости, то из боязни передумать), я вошел в широкую дверь и остановился перед первой ступенькой.

– Читайте, – буркнул я кому-то позади себя.

Я неуверенно встаю на первую ступеньку...

– Двести шестнадцать, двести семнадцать, – слышу я голос конференсье.

Моя кисть белая от старательного держания за перила. Предплечье начинает ныть, но я стараюсь не обращать на это внимания. Пристально смотрю под ноги, чтоб не оступиться: страховки ведь нет, и если падать – то насмерть. Кажется, зрение фокусируется уже не так хорошо; на глаза потихоньку опускается пелена.

– Двести шестьдесят три...

Я останавливаюсь отдышаться и задираю голову вверх. От резкого движения по всему небу заискрились звездочки, и я закрываю глаза, чтобы не свалиться в обморок. Тело начинает пошатываться; вторая рука цепляется за перила, но глаза я не открываю – нужно прийти в себя.

Глубоко и ровно дышу, успокаиваясь.

– Все хорошо? – спрашивает снизу голос.

– Да, – бурчу себе под нос.

Сами поймут, когда пойду дальше.

Отпускаю левую руку и поднимаюсь выше, решив не глядеть под ноги: мой мозг сам знает, куда наступать. На удивление, шагается немного легче. Неуверенная улыбка проскальзывает на моем лице, но я быстро прячу ее: нужно сохранять концентрацию.

– Триста семь, триста восемь...

Хочется услышать крики птиц. Приятно находиться на высоте птичьего полета, вот так – без всяких страховок и спасения. Прямо как птица – надеешься только на свое тело, свои крылья (или руки). Малейший ветерок – и тебя снесет с пути.

Ноги шагают уже тяжелее. Надеюсь, что все же от усталости, а не от трусости.

Только что чуть не споткнулся о ступеньку и замер, вцепившись двумя руками в перила.

– Триста восемьдесят три, – доносится снизу.

Всего сто с лишним остается. А как спускаться вниз?

Эта мысль предательски залетает в мою голову и тут же вселяет ужас. Ладно забраться, но нужно же как-то спуститься на землю!

Зачем-то я оборачиваюсь назад и различаю вдалеке одно слипшееся пятно – фургона и людей. Ноги мои подкашиваются, и тело оседает на ступеньку, прижавшись к перилам. Кажется, оно уже не слушается меня.

– Все хорошо? – спрашивают снова.

– Да, – отвечаю я еще тише, чем в первый раз.

Все совсем не хорошо. Но остается всего сто с лишним ступенек...

Неимоверным усилием воли я поднимаюсь на ноги. Кажется, снизу это вызывает одобрителльные выкрики – не уверен, что это не галлюцинации.

– Триста восемьдесят четыре, – считаю себе под нос. – Триста восемьдесят пять.

Ноги еле двигаются, но я обязан дойти хотя бы до четвертой сотни. Гордость и честолюбие теперь тащат меня вверх.

– Триста девяносто.

Коленки подкашиваются, отчего я спотыкаюсь чуть ли не на каждой ступеньке. Однако, испытывая муки, подобно Прометею, я заставляю себя подниматься выше. Шаг за шагом, поступь за поступью...

– Четыреста.

Я останавливаюсь, не ощущая ничего. Путь вперед кажется все таким же бесконечным, как и в начале; а оборачиваться я даже не хочу.

Усталость тяжестью сваливается на меня, и тело снова оседает на ступеньку, вызывая глухой стук.

– Хотя бы не только сердце в ушах стучит...

Снизу уже никто не спрашивает, все ли у меня хорошо. А может, и спрашивает, но я не обращаю внимания; рассеянность на такой высоте допустима.

Я прислоняюсь лицом к холодным перилам и таращусь вдаль, пытаюсь там что-то разглядеть. Но за пределами нашего городка виднеются лишь убогие равнины, кое-где покрытые туманом. Картина полной обреченности...

Я уже смирился с тем, что не пойду выше, и сдаться оказывается даже немного приятно. Подъем закончился. Все закончилось. Почему-то я не знаю, как теперь жить дальше, но это уже заботы завтрашнего дня...

А сейчас я сижу на прохладной ступеньке и вяло улыбаюсь.

– Все хорошо? – долетает до моих ушей.

Но я не отвечаю: сами поймут, когда через полчаса я буду сидеть на этом же месте.